

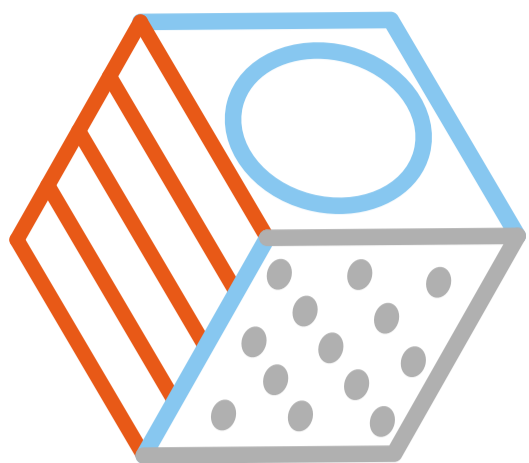
Комфортный город – 2020

*В ПОИСКАХ
НОВОЙ гравитации*

 **АРХСОВЕТ
МОСКВЫ**

 **КОМИТЕТ ПО АРХИТЕКТУРЕ
И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВУ
ГОРОДА МОСКВЫ**

Комфортный город

СЕРГЕЙ КУЗНЕЦОВ, *главный архитектор Москвы*

«Комфортный город» — мероприятие, ориентированное прежде всего на профессиональное сообщество и те вопросы, которые в данный момент для него наиболее актуальны. В этом смысле конференция этого года была экстраординарной: во-первых, она полностью прошла в режиме онлайн, а во-вторых, многие дискуссии так или иначе затрагивали тему эпидемий, карантин, постпандемийного города и его реакций на текущие изменения.

Одной из этих реакций может стать модернизация нормативов. Мы продолжили дискуссию, начатую на АРХ Москве, где были представлены результаты конкурса-исследования на тему того, как мог выглядеть город, если бы архитектор руководствовался не нормативной базой, а проектной логикой и здравым смыслом. Получился очень интересный эксперимент. Он показал — обсуждения его результатов в профессиональном сообществе это подтвердили, — что многие действующие нормативы избыточны. Именно ими, а не только строительной технологией, продиктовано пресловутое однообразие спальных районов и периферии. Стандартизация и нежелание архитекторов и заказчиков противодействовать этой стандартизации привели к созданию очевидно ущербной среды, которая, может, и удобна для эксплуатирующих организаций и пожарных служб, но уж точно не для жителей. Убрав чрезмерные требования, мы могли бы в перспективе получить среду гораздо более разнообразную и адресную. Тот самый город, который можно будет назвать комфортным для людей.

«Комфортный город» — серия мероприятий, организованных Комитетом по архитектуре и градостроительству города Москвы и инициированных главным архитектором Москвы Сергеем Кузнецовым. Все мероприятия объединены единой целью — выявить пул наиболее актуальных проблем и интересных тенденций в градостроительной сфере столицы и обсудить их с профессиональным сообществом. В 2020 году конференция проходила онлайн с 15 по 17 декабря.

На обложке: Дворец художественной гимнастики в Лужниках, арх. ТПО Pride. Получение проектом Дворца международной премии MIPIM вошло в ТОП-10 главных российских архитектурных событий 2020 года

Creative Talks: «Что архитектурное сообщество может выиграть в 2021 году, объявленном годом креативной экономики?»

Сергей Десятов,
генеральный директор Центра
дизайна ARTPLAY

Кирилл Ильичев, заместитель
руководителя Департамента
предпринимательства
и инновационного развития г. Москвы

Софья Троценко,
основатель Центра современного
искусства ВИНЗАВОД

Филипп Якубчук,
МАРШ лаб

Татьяна Журавлева,
директор Центра городских
компетенций АСИ

Михаил Шатров,
МАРШ лаб

Петр Кудрявцев, генеральный
директор Citymakers

Татьяна Осецкая,
сооснователь архитектурного
бюро ARCHSLON

Дискуссия «Как фасады определяют облик города при строительстве жилых домов. Эстетика. Практика. Производство»

Сергей Чобан, руководитель
архитектурных бюро СПИЧ
и Tchoban Voss Architekten

Андрей Сазонов, заместитель
генерального директора
Концерна «КРОСТ»

Елизавета Лихачева,
директор Музея архитектуры

Валерия Александрова,
руководитель архитектурных
проектов компании AGC

Маркус Аппенцеллер, партнер
и руководитель роттердамского
офиса бюро MLA+

Андрей Окулов, руководитель
технического отдела VEKA rus

Оливер Смит, партнер британского
ландшафтного бюро Gillespies

Татьяна Гук, директор ГАУ
«Институт Генплана Москвы» с. 20

Архитектурное кафе «Что важно? Карта архитектурных событий-блокбастеров 2020 года. Итоги опроса „Комфортного города“»

Никита Токарев, директор
Архитектурной школы МАРШ с.15

Николай Переслегин,
партнер Kleinewelt Architekten

Рубен Аракелян, сооснователь
архитектурного бюро WALL

Алексей Гинзбург, руководитель
«Гинзбург Архитектс» с.10

Дмитрий Наринский, профессор
Высшей школы урбанистики
НИУ ВШЭ, член-корреспондент

Международной академии архитектуры,
отделение в Москве (МААМ) с.14

Владимир Кузьмин, преподаватель
МАРХИ и РАНХиГС, руководитель
бюро «Поле-Дизайн» с.17

Софья Костякова,
директор по развитию
Citymakers

Влад Савинкин, преподаватель
МАРХИ, руководитель профиля
«Архитектура и дизайн среды»
в Институте бизнеса и дизайна,
руководитель бюро «Поле-Дизайн»

Кейс-сессия

«Формула устойчивости в пост-комфортном городе»

Марина Лепешкина, генеральный
директор RTDA с.31

Екатерина Гольдберг,
партнер Orchestra Design с.33

Андрей Асадов,
директор архитектурного
бюро ASADOV

Мария Бирюкова, руководитель
проектов Citymakers

Максим Берлович,
глава МосТУ Группы «Эталон»

Юлия Бычкова, управляющий
партнер арт-парка Никола-
Ленивец, продюсер фестивалей
«Архстояние» и «Архстояние детское»,
эксперт по развитию природных
и городских территорий

Круглый стол «Эволюция нормы. Исследование действующих правил и нормативов в проектировании и строительстве»

Сергей Кузнецов, главный архитектор Москвы с. 2, 19

Татьяна Гук, директор ГАУ «Институт Генплана Москвы» с. 20

Евгения Муринец, директор Института градостроительной политики Urban Policy Institute, член Экспертного совета Минстроя России по формированию комфортной городской среды

Тимур Башкаев, руководитель архитектурного бюро АБТБ с. 24

Михаил Бейлин, сооснователь Citizenstudio с. 24

Открытый разговор

«Вне зоны комфорта. Главные триггеры и точки опоры 2020–2021»

Сергей Кузнецов, главный архитектор Москвы с. 2, 19

Алексей Добашин, генеральный директор Концерна «КРОСТ»

Кристос Пассас (Christos Passas), исполнительный директор Zaha Hadid Architects с. 33

Эдуард Хайман, партнер и дизайн-директор Habidatum

Петр Кудрявцев, генеральный директор Citymakers International

Василий Аузан, партнер компании Frontier

Якоб ван Рейс (Jacob van Rijs), партнер-учредитель архитектурного бюро MVRDV

Николай Лызлов, профессор МАРХИ, вице-президент Союза московских архитекторов, профессор Международной академии архитектуры, отделение в Москве (МААМ)

Содержание

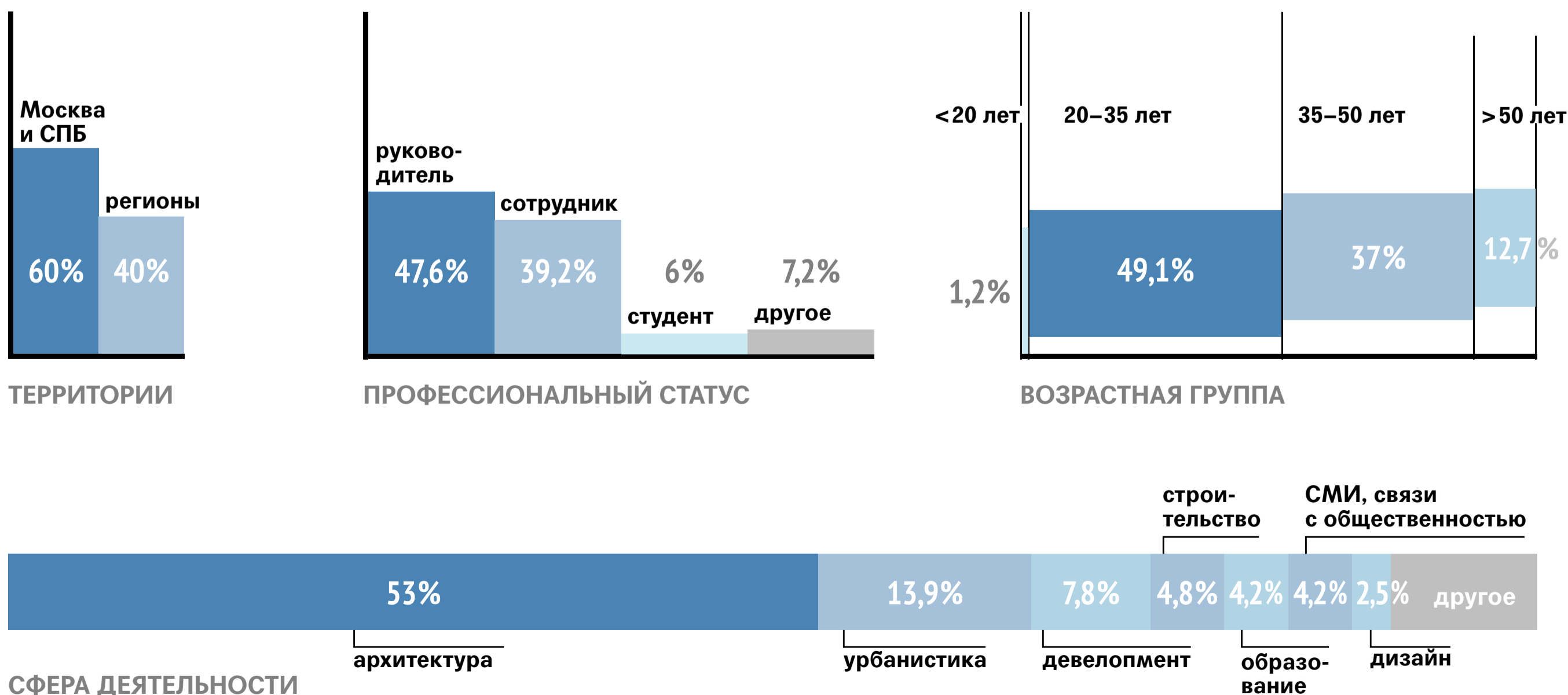
- 2 Вступительное слово
Сергея Кузнецова
- 3 Темы дискуссий и спикеры
конференции
«Комфортный город»–2020
- 7 Архитектурные блокбастеры–2020:
итоги уходящего года
- 13 Закон об архитектурной
деятельности: быть или не быть?
- 16 Архитектурное образование
на удаленке: что изменилось?
- 18 Эволюция нормы
- 28 Выйти из зоны комфорта:
что дальше?

Архитектурные блокбастеры–2020: ИТОГИ уходящего года

От пандемии до выставки «ВХУТЕМАС 100. Школа авангарда»

Первый шаг к определению векторов развития российской архитектуры и архитектурной профессии в новых реалиях—это рефлексия. Фиксация тех событий, перемен и проблем, которые больше всего задели и взволновали архитектурную общественность в насыщенном уходящем году. В масштабном опросе, проведенном к конференции «Комфортный город» компанией Citymakers, свое мнение высказали 250 респондентов—архитекторов и урбанистов, строителей и девелоперов, студентов и преподавателей. И несмотря на то, что в получившемся рейтинге с большим отрывом лидируют пандемия коронавируса и девальвация курса рубля, отношение к остальным «блокбастерам» распределилось более или менее равномерно и позволяет говорить как о только наметившихся, так и уже устойчивых трендах.

250 респондентов опроса «Комфортного города»

Какие события, на ваш взгляд, в 2020 году были наиболее важными для архитектурно-градостроительной отрасли?

— пандемия коронавируса	76,6%
— девальвация рубля, экономический спад	37,3%
— окончание реставрации Дома Наркомфина	17%
— конкурс на разработку арх. облика станций метрополитена в 2020 г. — конфликт вокруг Бадаевского завода — утверждение проекта реконструкции Павелецкого вокзала	13,9%
— назначение нового министра строительства и ЖКХ — реставрация Дворца пионеров	9,6%
— итоги 2-го Конкурса малых городов и исторических поселений — выставка АРХ Москва	7,2%
— фестиваль «Зодчество»	6%
— получение Дворцом гимнастики премии МІРІМ — согласование проекта реконструкции МДМ	5,4%
— начало реализации проекта штаб-квартиры «Яндекса» — несостоявшиеся выставки: МІРІМ, Венецианская биеннале — выставка «ВХУТЕМАС 100. Школа Авангарда»	4,2%
— архитектурный конкурс «Тучков буян»	0,6%

Будущее — за проектами «ре-» и «пере-»

Даже беглого взгляда на список архитектурных проектов, которые, по мнению респондентов опроса, вызвали в этом году общественный резонанс, достаточно, чтобы сделать очевидный вывод: наибольший интерес порождают всевозможные реконструкции, реставрации и примеры переосмысления так или иначе сложившейся среды. И если в московской повестке встречаются исключения, то в региональной к категории перезагрузки территорий относятся оба вошедших в ТОП инфоповода. Во-первых, это результаты очередного конкурса на создание комфортной среды в малых и исторических городах: начиная с сентября 2020 года, на каждом этапе выбирается не 80, а 160 концепций-победителей, и в целом с конкурсом связан целый ряд позитивных моментов. Малые города и исторические поселения (а их в России

Проекты-победители конкурса Минстроя на создание комфортной среды в малых городах и исторических поселениях: городской пляж в Курганинске и набережная в Белозерске

больше 1000) фактически заново появляются на карте для большинства наших граждан; все чаще в представленных проектах встречаются планы по регенерации исторической среды, восстановлению памятников и утраченного духа места и даже конверсии и приспособления промышленного наследия; плюс специально под конкурс формируются особые институции и региональные центры компетенции, а также новые архитектурные коллективы, для которых масштаб и регулярность конкурса—шанс отправиться в свободное творческое плавание.

Парк «Тучков буян» в Санкт-Петербурге—еще один пример переосмысления сложной территории, которое должно учитывать множество исторических, культурных и экологических аспектов. И в то же время—это важный прецедент для Северной столицы проведения крупного открытого международного конкурса, результат которого, будучи доведенным до воплощения, неизбежно вовлечет огромное количество участников и навсегда изменит городскую архитектурную повестку и городской культурный ландшафт (как это произошло в Москве с появлением Парка Зарядье).

Завершение реставрации Дома Наркомфина по проекту «Гинзбург Архитектс» — главное архитектурное событие 2020 года

Советское наследие

Большая часть проектов-блокбастеров в категории «ре» относятся к работе с советским наследием. Так, после пандемии и падения курса рубля самым значимым событием респонденты опроса признали завершение реставрации Дома Наркомфина—культового памятника советского авангарда, долгое время находившегося в упадочном состоянии с неопределенным будущим. А сегодня это живой образец того, как следует подходить к памятникам архитектуры 1920–1930-х годов. Другие же проекты, отмеченные в этом списке как знаковые, относятся уже к другой эпохе—эпохе модернизма. На фоне того, что широкая общественность еще не осознала архитектуру того периода как нечто ценное и подлежащее сохранению, концепции научной реставрации модернизма (как та, что была предложена бюро Kleinewelt Architekten для Дома пионеров на Воробьевых горах) или же

его функциональной и идеологической интеграции в городскую ткань (как в проекте реконструкции Московского дворца молодежи бюро WALL) приобретают особое значение.

Фасады и интерьеры Дома Наркомфина после реставрации. Арх. «Гинзбург Архитектс»

АЛЕКСЕЙ ГИНЗБУРГ, *руководитель «Гинзбург Архитектс», автор проекта реставрации Дома Наркомфина*

У нас в целом есть большая проблема отношения к памятникам архитектуры XX века и к их реставрации. Задачей нашего проекта было в том числе изменить это отношение, сделать так, чтобы в результате дом тактильно и визуально воспринимался как подлинный объект своей истории. И хотя в нем сохранилось порядка 90 % стен, конструкций и кладки фасадов, важно было передать само ощущение дома, которому 90 лет. Поэтому на уровне поверхностей и деталей мы занимались не только производством реплик и воссозданием технологий 1930-х годов, но и смогли показать пример некой консервации, когда видна патина времени. Кроме того, для памятников современной архитектуры очень важна функция, которая их во многом определяла: к другой функции их приспособлять всегда тяжело, и хорошо, что здесь этого делать не пришлось. И мы смогли показать, что дом, который почти сто лет назад создавался специально для жизни людей, актуален и сегодня. Следующий этап развития—восстановление исторического парка—общественного пространства, связывающего все три объекта комплекса в единый концептуальный фрагмент городской среды. Лично для меня пятилетний процесс реставрации этого дома был процессом обучения тому, как должен работать современный архитектор. И успех этого проекта—успех самого дома, потому что он абсолютно гениален.

Проект станции метро «Кленовый бульвар» Zaha Hadid Architects, победивший в открытом международном конкурсе

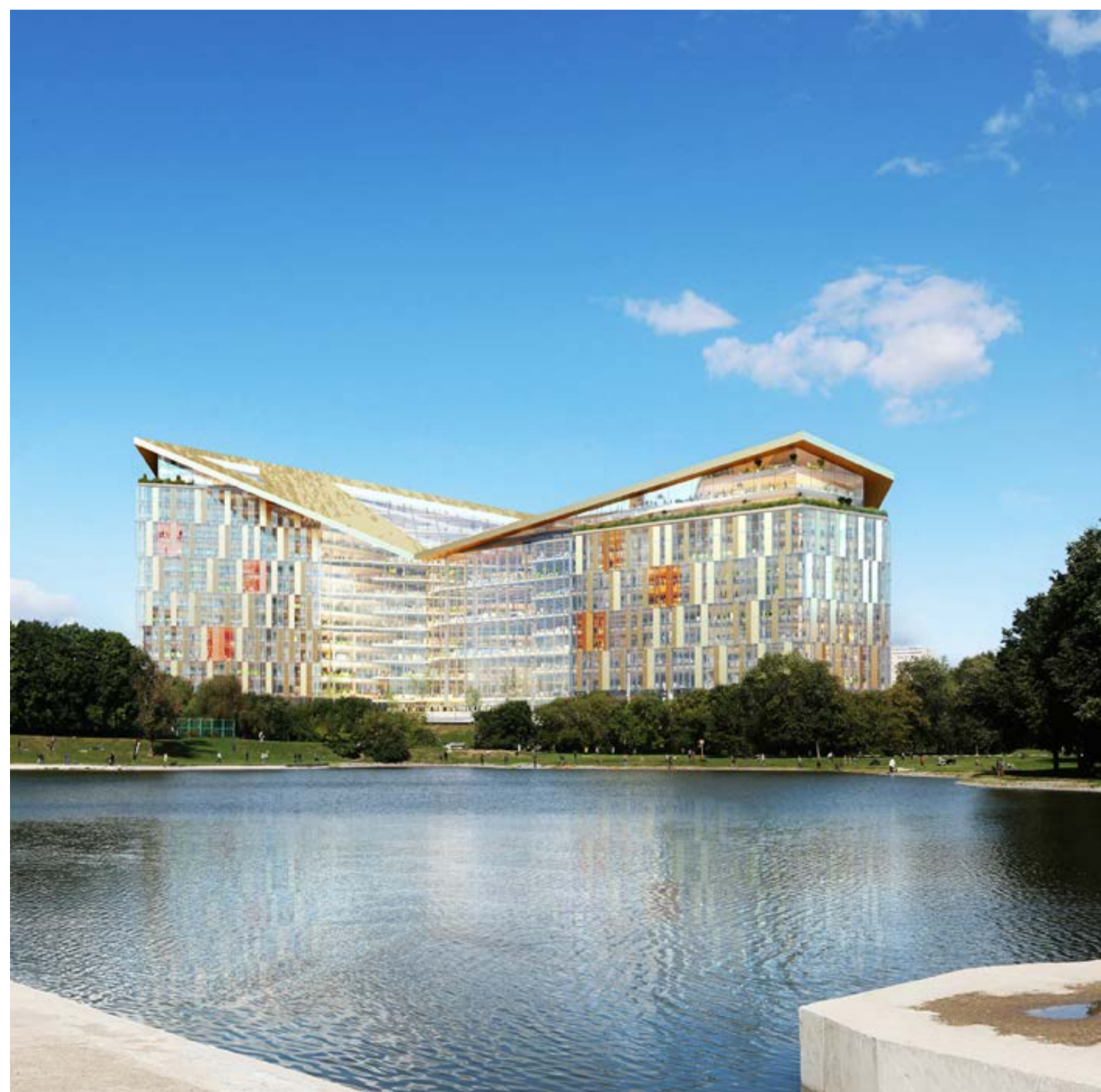
Проект реконструкции площади Павелецкого вокзала. Арх. 5+Design, APEX

Иностранцы в России

Еще как минимум шесть проектов из списка ТОП-2020 продолжают тему развития и повышения качества архитектуры в России за счет приглашения иностранных бюро и предоставления им возможности создавать яркие и заметные объекты. Это вышеупомянутый «Тучков буян», который должны строить по проекту консорциума West 8 (Нидерланды) + «Студия 44» (Россия), новая штаб-квартира «Яндекса», спроектированная под руководством британского архитектурного бюро PLP Architecture, станция метро «Кленовый бульвар», конкурс на проектирование которой выиграло бюро Zaha Hadid Architects, проект для площади перед Павелецким вокзалом американцев 5+Design, доработанный российским бюро APEX, и, конечно, Бадаевский завод, над которым—в буквальном смысле—швейцарцы Herzog & de Meuron выстраивают целый новый город, а у ног-опор разбивают городской парк. Конфликты вокруг этого смелого революционного проекта не утихают второй год подряд.

Проект-победитель международного конкурса на парк «Тучков буян» в Санкт-Петербурге. Арх. WEST 8 + «Студия 44»

Новая штаб-квартира Яндекса на ул. Косыгина в Москве. Арх. PLP Architecture, APEX, RTDA, Citymakers, Arteza

Городские конфликты

Вообще городские конфликты—отдельная, горячо обсуждаемая в сообществе тема. Их возникновение связано с целым рядом факторов: нехватка своевременной и доступной достоверной информации о проекте (как следствие—возникновение домыслов и предположений, в итоге подменяющих собой реальное положение вещей); неготовность—или недостаточная подготовленность—для ведения девелопером и/или городскими властями открытого диалога со всеми стейкхолдерами проекта, включая жителей; отсутствие площадки/платформы, способной в нужный момент собрать их всех за одним столом переговоров и провести конструктивную дискуссию. В разных ситуациях роль такой площадки брали на себя Москомархитектура (проект реставрации Дворца пионеров и реконструкции Бадаевского завода), Музей архитектуры им. А. В. Щусева, Архклуб и журнал «Проект Россия». При этом страсти разгораются не только вокруг исторической, но и в области современной архитектуры: по вопросам, связанным с высотным строительством, или, например, со строительством школы в знаковом месте, как это случилось с новым жилым комплексом «Садовые кварталы» и конкурсом на проект включенной в комплекс школы «Новый взгляд».

Так или иначе, правильный формат регулирования этих конфликтов еще предстоит нащупать. Такой, чтобы широкая и разносторонняя дискуссия в конечном счете была всем во благо. В то же время многие сходятся во мнении, что архитектор в данном случае может—и должен—выступать главным модератором и медиатором процесса. Это одна из тех важных, но утраченных ипостасей профессии, которую давно пора вернуть и в целом значительно увеличить роль архитектора в процессе создания проектов.

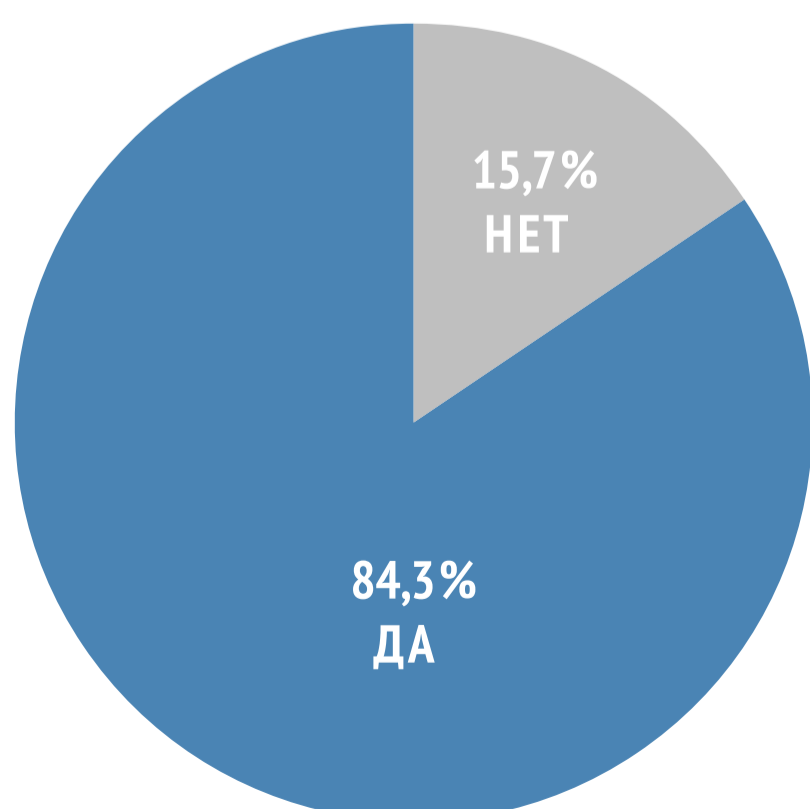
Фрагмент проекта нового многофункционального комплекса и парка на территории Бадаевского пивоваренного завода. Арх. Herzog & de Meuron, Vogt, APEX

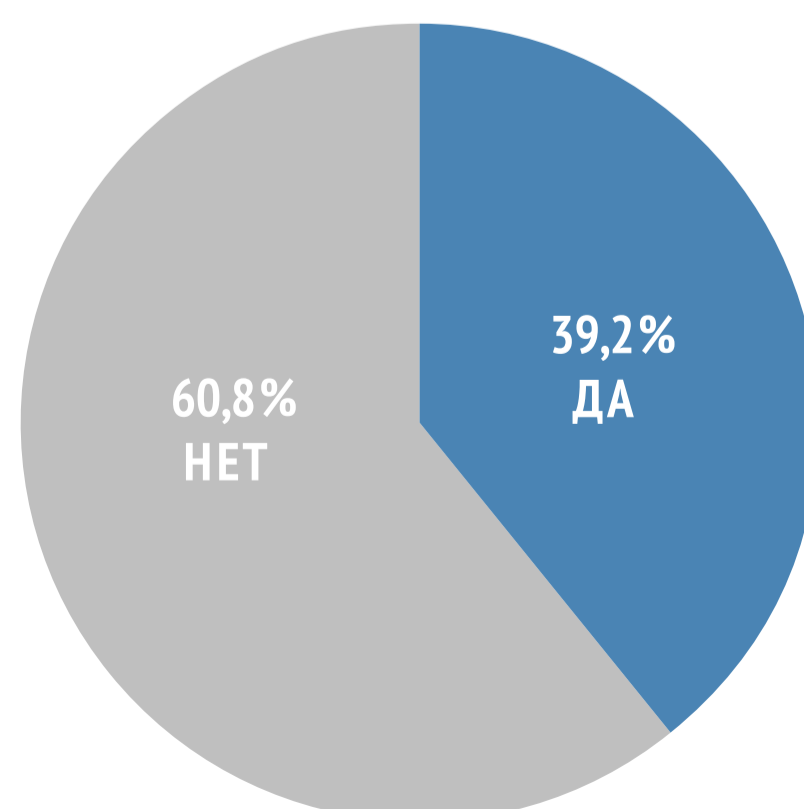
Закон об архитектурной деятельности: быть или не быть?

В данном случае событием следовало бы считать не сам закон, поскольку он еще не принят, а процесс его обсуждения. Уже несколько раз предпринимались попытки, в открытых письмах или дискуссиях, высказывать свое мнение о проекте поправок в действующий закон 1995 года: 60 % респондентов опроса Citymakers заявили, что не согласны с текущей его редакцией, над которой параллельно работают команды НОПРИЗ и САР. Основные претензии озвучивались уже не раз: закон пытается регулировать слишком разные сферы деятельности, в результате чего все формулировки становятся чересчур размытыми; он предписывает архитекторам поголовную аттестацию с непрозрачной процедурой, целесообразность которой под большим вопросом; предъявляются завышенные требования к главному архитектору субъекта и муниципального образования; авторские права по-прежнему оказываются не защищены, а специалисты с иностранным гражданством и иностранными дипломами фактически лишаются возможности работать в России.

Считаете ли вы
важным закон
об архитектурной
деятельности?

Вы скорее согласны
с его содержанием
в последней
редакции?

Тем не менее авторы законопроекта поправки и замечания учитывать не спешат, укрепляя остальных в убеждении, что документ призван лоббировать интересы не архитектурного сообщества в целом, а отдельной его группы. Тем принципиальнее сейчас попытаться повлиять на ситуацию и начать с того, чтобы за пределы отдельной группы вышли те, кто хотя бы ознакомился с текстом закона: опрос показал, что многие этого до сих пор не сделали. Только сплоченность и массовое выступление единым фронтом могли бы помочь выточить камень нужной формы из документа, который должен определить будущее архитектурной профессии на много лет вперед.

ДМИТРИЙ НАРИНСКИЙ,
профессор Высшей школы урбанистики НИУ ВШЭ, член-корреспондент Международной академии архитектуры, отделение в Москве (МААМ)

Архитектурная деятельность — это деятельность по созданию произведения архитектуры, что не тождественно объекту капитального строительства, а значит, сама архитектурная деятельность — гораздо больше, чем подготовка проектной документации. Если бы закон описывал всю вариативность действий архитектора, то он бы охватывал весь процесс — от замысла до реализации и жизненного цикла произведения — и включал бы участие архитектора на всех этапах, расширяя таким образом сферу его влияния. Чего, к сожалению, не происходит. Закон устроен так, что каждый раз меняет фокус, перестраиваясь с позиции архитектора на позицию чиновника и вторгаясь в смежные области регулирования. На мой взгляд, единственной точкой зрения должна быть позиция автора, с которой все и описывается. Закон существует давно, но никогда не работал именно потому, что был размыт, аморфен и уязвим с точки зрения взаимодействия с другими сферами законодательства. Единственный способ исправить это — сконцентрироваться на определенном сегменте и прописать его настолько четко, чтобы он был понятен всем участниками процесса.

Свои ответы респондентов на вопросы о законе «Об архитектурной деятельности...»

«С профессиональным сообществом закон не обсуждался и в основном отражает интересы руководства НОПРИЗ и Союза архитекторов. Вместо расширения прав и юридических гарантий для архитекторов мы видим увеличение обязанностей и бюрократического пресса в виде многоступенчатой аттестации, власти околоархитектурных чиновников...»

«В том виде, в котором предлагается закон сейчас, он не нужен... так как накладывает больше ответственности, а прав и полномочий, фактически усиливающих статус и авторитет, как не давал так и не дает...»

НИКИТА ТОКАРЕВ,

директор Архитектурной школы МАРШ

Как ни смешно, на сегодняшний день архитектура стоит в одном ряду других проектных работ, таких как вентиляция, электрика и т. д. Выделить ее, придать ей особый статус просто необходимо. В то время как закон пытается регулировать слишком много аспектов: и работу главного архитектора, и проведение конкурсов, и юридическую деятельность архитектурной фирмы, и эта всеохватность не идет ему на пользу.

Кроме того, давно назрела необходимость законодательно ввести концептуальную стадию проектирования, которой в нашей стране — в отличие от всего остального цивилизованного мира — до сих пор юридически не существует. Возможно, именно поэтому не могут найти себя на отечественной ниве творческие архитектурные конкурсы: их результат в правовом поле просто не имеет официального статуса.

Непонятно, чем вызвано увеличение административной нагрузки на архитектора: это и аттестация, которую нужно проходить 4 раза (такого тоже нет нигде в мире), и 10 лет стажа для открытия самостоятельной практики, и требование, чтобы генеральным директором был непременно архитектор.

И, безусловно, смущает фактический запрет на аттестацию россиян с иностранными дипломами. Вместо того чтобы улучшать качество российской архитектуры и включать ее в мировой контекст с помощью соотечественников, мы почему-то хотим поддержать отток талантливых кадров и продолжить звать на каждую мало-мальски интересную задачу иностранцев.

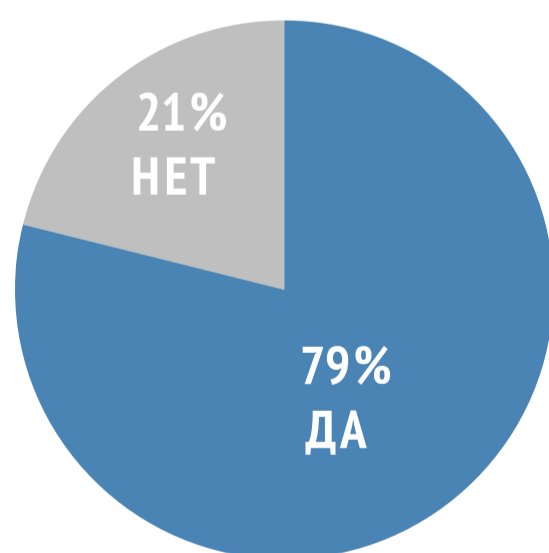
Хорошо, что обсуждение вошло наконец в активную фазу. Я думаю, это только начало.

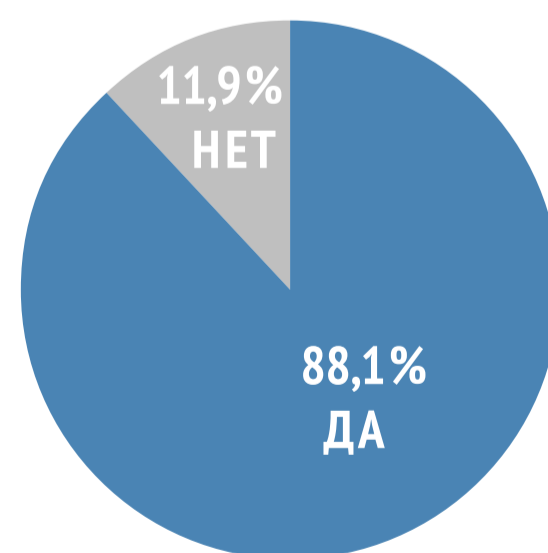
Архитектурное образование «на удаленке»: что изменилось?

Один из блоков опроса, проведенного к конференции «Комфортный город», был посвящен архитектурному образованию: почти 80 % респондентов признали, что переход на онлайн усложнил процесс обучения. Главная причина—снижение качества предоставляемых образовательных услуг (88,1 %), которое повлекло за собой ухудшение понимания и уровня усвоения архитектурных знаний среди студентов (85,7 %). Интересно распределились мнения относительно того, возможно ли онлайн создавать архитектурные команды среди студентов и формировать студенческое профессиональное братство—примерно 50 на 50. И лишь две трети (64 %) готовы констатировать, что приобрели благодаря «дистанционке» новые профессиональные навыки, хотя почти три четверти респондентов заявляют о том, что освоили все необходимые программы (остается предположить, что часть владели ими и ранее).

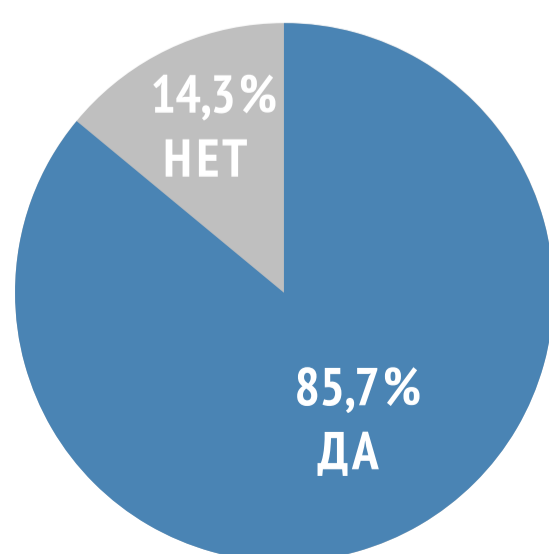
Триггерные точки архитектурного образования. Что изменилось в 2020 году?

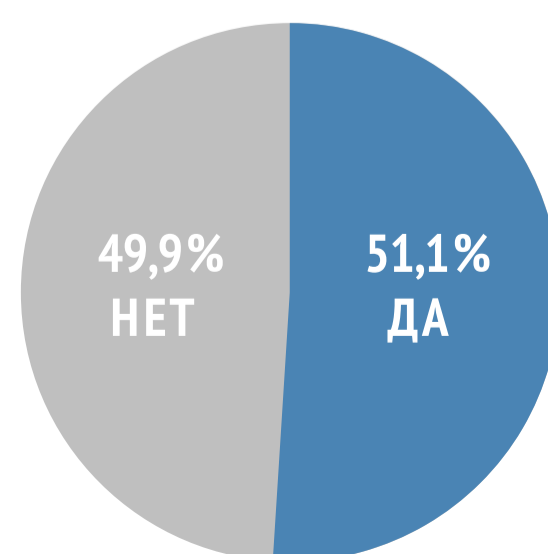
Переход на онлайн усложнил образовательные процессы?

Изменилось ли, с вашей точки зрения, качество услуг при переходе в онлайн?

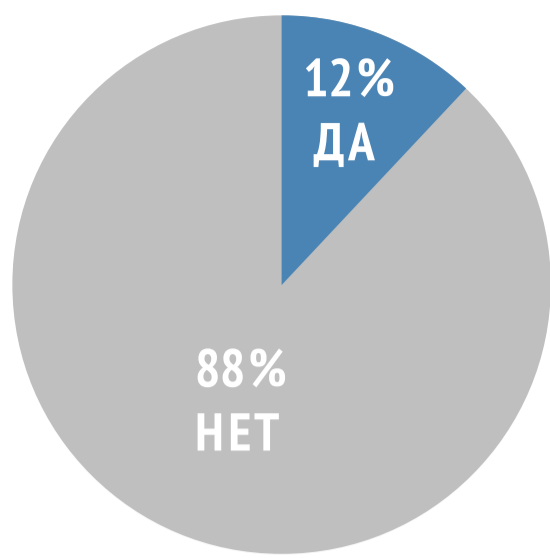

Влияет ли онлайн-обучение на понимание и усвоение архитектурных знаний?

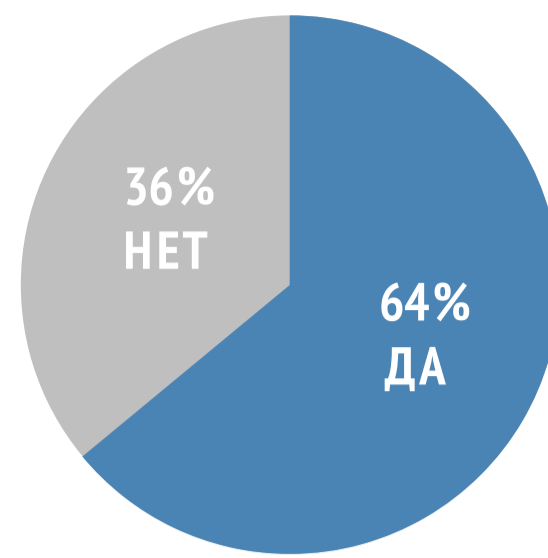

Возможно ли при онлайн-обучении создание студенческих архитектурных команд и студенческого профессионального братства?

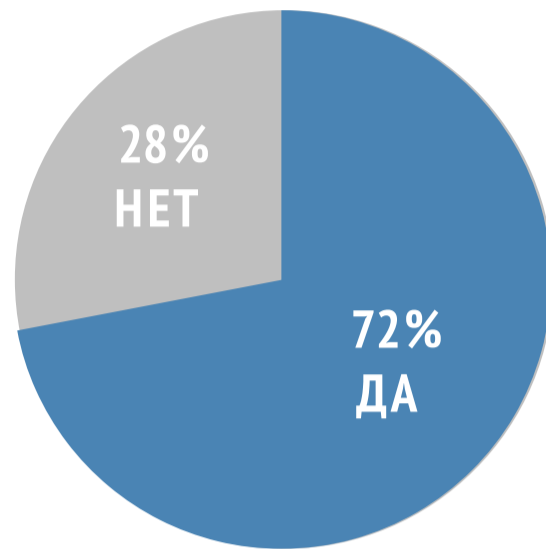

Справедлива ли единая стоимость обучения по программам онлайн и офлайн?

Появились ли у вас новые профессиональные навыки благодаря переходу на удаленку?

Удалось ли вам освоить все необходимые программы и технологии для онлайн-обучения?

ВЛАДИМИР КУЗЬМИН, преподаватель МАРХИ и РАНХиГС, руководитель бюро «Поле-Дизайн»

Безусловно, переход на онлайн усложнил образовательные процессы—прежде всего с точки зрения их доступности. Казалось бы, должно быть наоборот, но именно в нашей реальности доступность напрямую связана с технологическим обеспечением, которое возможно только в крупных вузах крупных городов. Качество образования при переходе на онлайн тоже стремительно ухудшилось. Возможно, со временем система самоадаптируется, но пока разница заметна во всех областях. Повлиял переход на онлайн-обучение и на уровень понимания и усвоения архитектурных знаний—хотя бы потому, что далеко не все преподаватели могут без потерь переложить визуальную часть информации в вербальную, точно так же как и не все студенты готовы ее воспринимать. Графическая передача навыков через цифровую систему требует значительной ресурсной базы, которая у большинства отсутствует. Определенный плюс в том, что онлайн-обучение потребовало от каждого перестройки и приобретения новых навыков и освоения новых программ. Чего нельзя сказать о навыках социальных: если сформировать студенческую команду онлайн возможно, то студенческое братство—вряд ли.

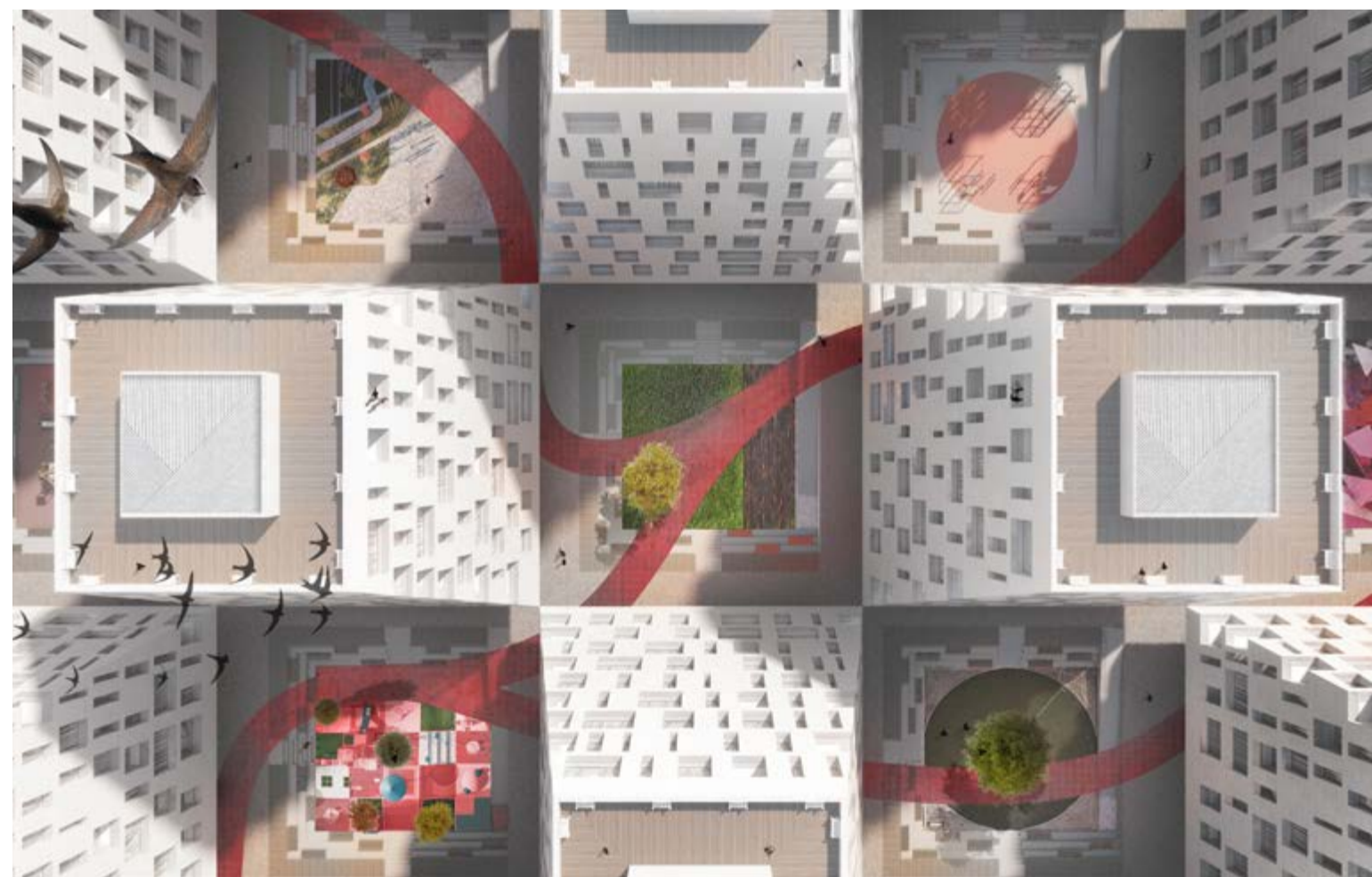
Эволюция нормы

Нормы неудобной жизни

Давно назревшая необходимость скорректировать нормативную базу фактически каждый день подтверждается практикой: то, что вновь создающиеся районы оказываются такими неудобными для жизни,—во многом «заслуга» именно неактуальных строительных требований. В XX веке, когда они разрабатывались, дома возводились большими массивами на свободных участках, и большинство проблем решалось посредством расстояний между домами, будь то шумоизоляция от улицы или соображения безопасности, что выливалось в гигантские проезды между зданиями, неуютные двory с хаотичной парковкой, фактически «вырезанные» из района территории школ, которые оказываются недоступными «зонами отчуждения». Как следствие—неэффективное использование земли и повышение этажности: чтобы достичь нужной плотности (тоже нормируемой), дома, которые невозможно поставить ближе друг к другу, сохранив человеческий масштаб, приходится «наращивать» в высоту.

Сегодня подходы однозначно должны измениться. Во-первых, есть другие планировочные приемы, позволяющие решить те же задачи, что и бесконечные отступы. Во-вторых, мы часто имеем дело не со свободными территориями, а со сложившейся средой, которая, если говорить об исторических центрах городов, значительно плотнее, что осложняет новое строительство по старым правилам.

И в-третьих—и это самое главное—жесткие нормативы генерируют по сути одно и то же техническое задание, по которому воспроизводится одна и та же неэффективная среда. Такой неотъемлемый атрибут современного города, как разнообразие, становится плохо выполнимой задачей.

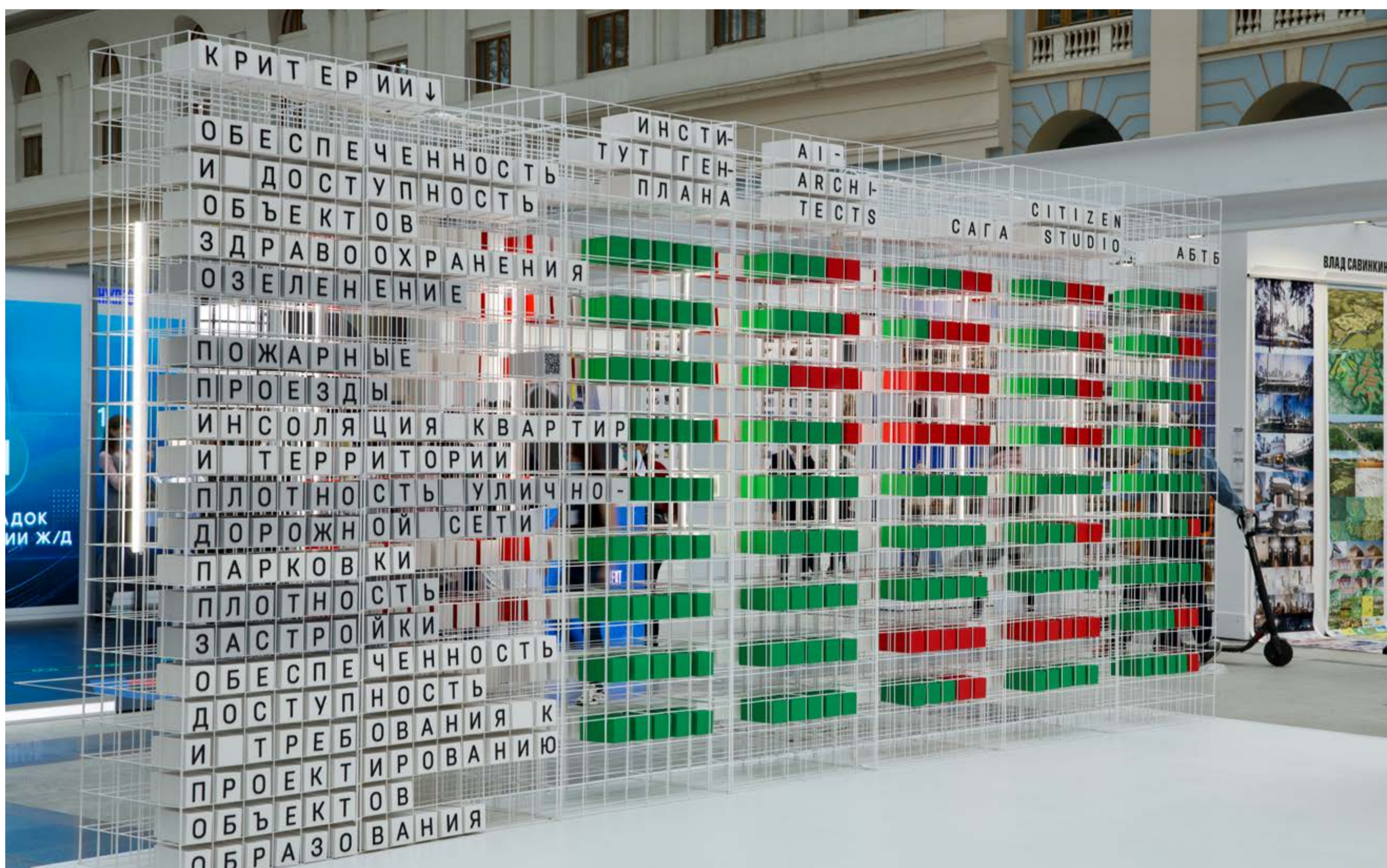

СЕРГЕЙ КУЗНЕЦОВ, *главный архитектор Москвы*

Действующие сегодня нормативы формировались в основном в середине XX века, когда стояла задача быстро обеспечить жильем максимальное количество человек. Соответственно, нормативы были заточены под массовое производство простых и дешевых домов — и продолжают оставаться таковыми. Любое нетиповое решение требует специальных технических условий, а значит, дополнительных времени и денег, а кроме того, связано с рисками не пройти согласование, что демотивирует делать хорошую и качественную архитектуру всех участников процесса. Есть, например, такая ветвь нормативов, как пожарные требования. Пожарные проезды, без которых сегодня вполне можно было бы обойтись, отнимают много территории, и часто из-за них приходится располагать здания не вдоль красной линии, а отступать, создавая разрывы между домами. Опять-таки из-за избыточных пожарных нормативов мы до сих пор не можем массово строить из дерева, лишая себя возможности наладить щадящее природу производство экологичного жилья. Другая архаичная норма, часто заставляющая нарушать градостроительную логику, — инсоляция: когда-то это требование возникло в рамках борьбы с туберкулезом, но многолетняя практика показала, что освещение одной комнаты два часа в день не влияет на процент заболеваемости. А главное, в основе действующих ограничений не заложена забота о комфортной ежедневной жизни. Поэтому согласившись, что мы хотим производить не стандартизированную, а современную комфортную среду, имело бы смысл пересмотреть саму идеологию нормативов и скорректировать под нее определенную часть правил.

Экспозиция «Реновация стандартов» на АРХ Москве демонстрировала, как можно спроектировать жилой квартал максимально комфортным и интересным с точки зрения градостроительства, но без учета привычных нормативов, доставшихся в наследство от советских времен

Экспозиция «Реновация стандартов» на АРХ Москве

«Реновация стандартов»

Очередной виток профессиональной дискуссии о том, как и в какую сторону следует изменить действующую нормативную базу, начался с проекта Москомархитектуры «Реновация стандартов», представленного в этом году на АРХ Москве. Специально к выставке в Гостином дворе по инициативе главного архитектора Москвы Сергея Кузнецова четыре архитектурных бюро— АБТБ, Citizenstudio, AI architects и Saga—разработали проекты жилого района Метрогородок так, как будто бы жестких правил не существует и их можно не соблюдать. Результаты были представлены на выставке—вместе с проектом Института Генплана Москвы, который изначально работал с этой территорией, а после проанализировал проекты конкурсантов на предмет того, какие же нормы они в итоге нарушили. Этот эксперимент стал основой для подробного изучения зарубежного опыта и выявления тех групп нормативов, которые следует изменить в первую очередь.

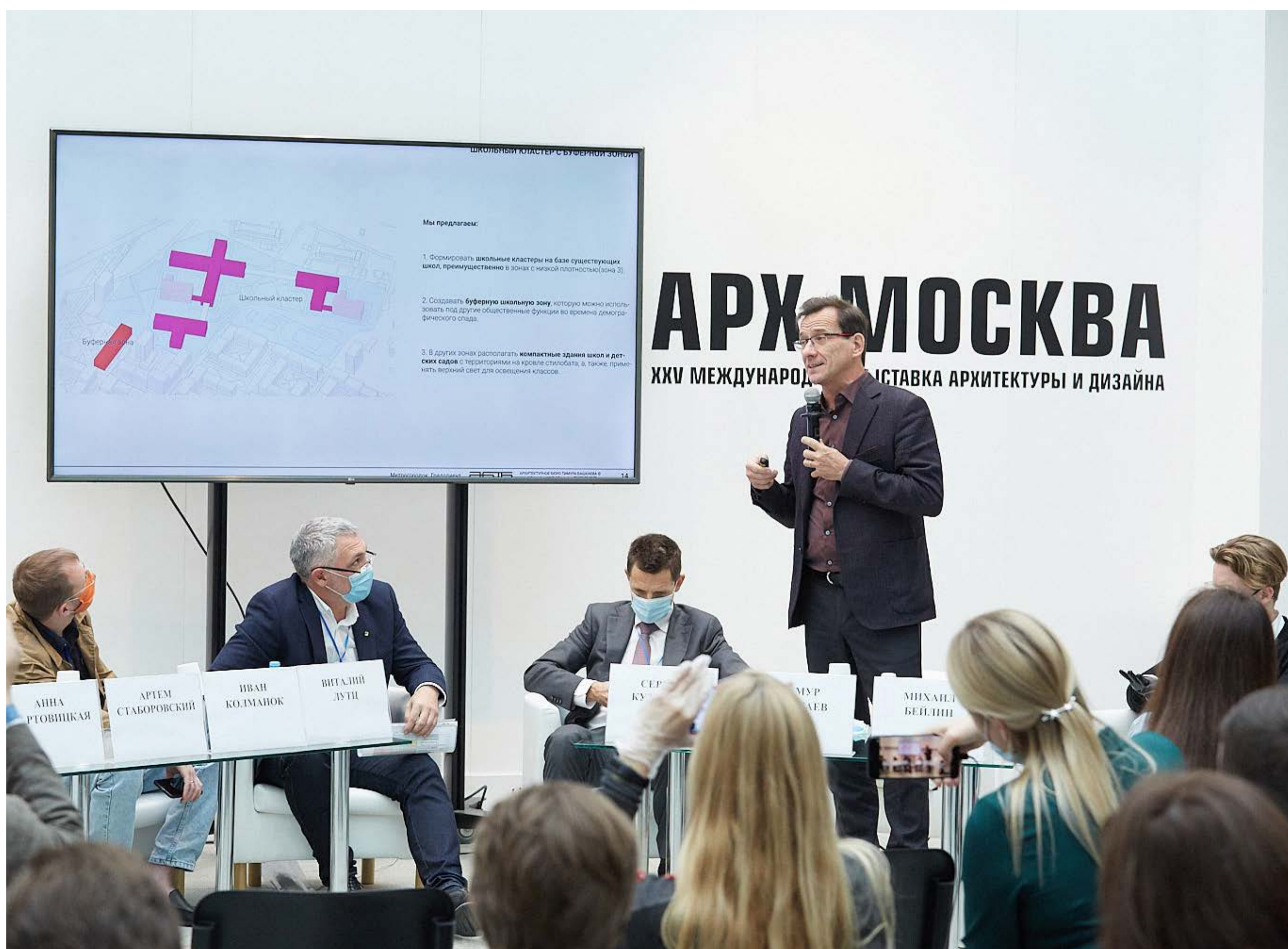

ТАТЬЯНА ГУК, директор Института Генплана Москвы

В рамках эксперимента четыре архитектурных бюро должны были разработать свои концепции одного из районов Москвы без оглядки на существующие нормативы. Для исследования был выбран Метрогородок, для которого в рамках программы реновации нами уже разработан проект планировки. Задачей было не просто получить идеальный район, но и ответить на вопрос: чем являются нормативы для градостроителя, оковами или инструментом? А еще—сформулировать обновленные принципы и нормативы, подумать, какие можно исключить, а какие необходимо оставить. Проанализировав проекты коллег в рамках этого эксперимента, мы поняли, что, даже не будучи ограниченными нормативами, архитекторы подчинялись собственному внутреннему кодексу, а он был подобен действующим

нормативам. Так, обеспеченность социальной инфраструктурой во всех проектах была очень близкой к нормативной или нормативной. В итоге мы разделили наши выводы на три условные группы по таким параметрам, как эффективность, безопасность и качество. Итак, по порядку. Первый параметр—это эффективность использования территории. Туда входят плотность застройки, обеспеченность социальными объектами, плотность улично-дорожной сети и объем парковочных пространств. Именно эти пункты предполагают самые серьезные планировочные ограничения. Это значит, что, во-первых, понятие плотности застройки квартала или района относительно земельного участка не может быть идентичным даже для похожих территорий в разных городах страны. Плотность должна регулироваться на уровне региональных градостроительных нормативов, учитывающих специфику развития той или иной территории. Во-вторых, образовательные учреждения должны сохранить нормируемость площади участка. А вот все, что касается внутренней планировочной структуры—площадок, их формы, а также режима использования территории—следовало бы пересмотреть. Например, спортивные площадки, стадионы, которые сейчас должны входить в территорию школы, могли бы быть полноценным общественным пространством для жителей всего района. Так использование территории будет более эффективным. С другой стороны, обязательные нормы участков для объектов здравоохранения есть смысл исключить.

Презентация итогов конкурса на ARX Москве

Что касается плотности улично-дорожной сети, то ее необходимо нормировать. Проницаемость и возможность организации обслуживания территории общественным транспортом—это важный и системный вопрос, на котором нельзя экономить в интересах и жителей, и государства. Все гораздо сложнее с парковками. Невозможно в мегаполисе расходовать земельные ресурсы только под размещение парковочных мест, надо искать другие решения для автомобилей. Задача города—не обеспечить каждого местом для личного автомобиля, а предложить

Нормативы: эффективность

Плотность застройки

Параметр «плотность» должен быть индивидуален для каждой территории

Социальная обеспеченность

Остается

- Размер нормирования участка для объектов образования

Изменяется

- Внутренняя планировочная организация участка
- Геометрия (форма) площадок
- Возможность двойного использования

Плотность улично-дорожной сети

- Проницаемость территории
- Развитие наземного общественного транспорта

Парковки

- Изменение подхода к пользованию личным транспортом
- Планировочная организация внутри участков застройки

Нормативы: качество

Мультифункциональность

Размещение основных потребностей в шаговой доступности

Озеленение

- Переход количества в качество

Социальная обеспеченность

- Доступность
- Обеспеченность

Парковки

Баланс интересов

Инсоляция

- Во дворе и квартире должны быть и свет, и тень
- Каждому по потребностям

Нормативы: безопасность

Плотность улично-дорожной сети

Доедет ли скорая или МЧС?

Инсоляция

Могут ли только градостроители принимать решения по инсоляции?

Пожарные проезды

Требуется корректировка в связи с обновлением технических возможностей и планировочных подходов

удобную систему общественного транспорта, более экологичные варианты перемещения. Переход на общественный транспорт и пересмотр нормы по парковочным местам—это мировая тенденция.

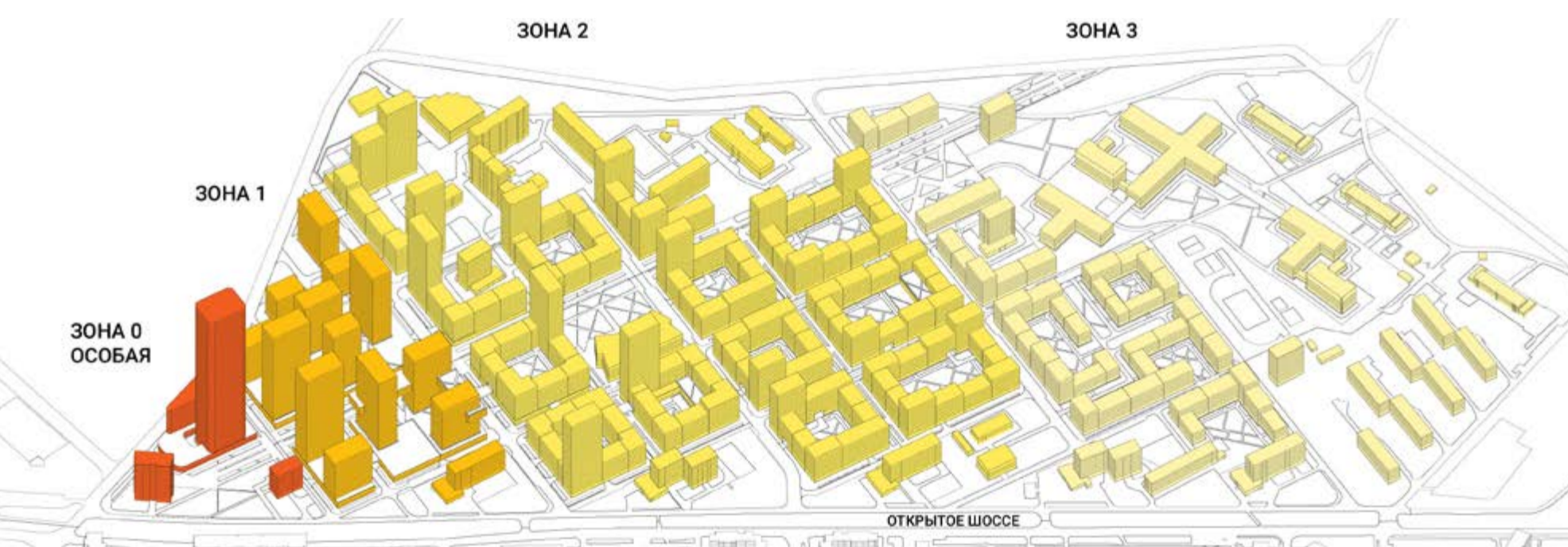
Если говорить о других параметрах, то безопасность—это, безусловно, пожарные проезды, инсоляция. Современные технологии позволяют переосмыслить пожарные нормы, найти более оптимальное решение без ущерба для безопасности.

Рассматривая еще одну категорию—«качество»,—целесообразно говорить о разумной трансформации, когда должен соблюдаться баланс: каждому по потребностям. Также важно помнить о мультифункциональности, когда все необходимые объекты находятся в шаговой доступности. В части озеленения можно нивелировать количественные показатели за счет качественных решений благоустройства. Да, нужно соблюдать баланс, долю озелененных территорий, но именно качество должно преобладать. И кстати, у всех коллег, принявших участие в исследовании, доля озелененных территорий была выдержана в пределах нормирования, что говорит о значимости показателя.

В целом мы считаем, что избыточность в нормативах должна быть ликвидирована. Отдельные параметры можно прописывать не в законе, а в градостроительных территориальных документах. Таковы планы на будущее, но есть то, что мы можем улучшить уже сейчас, и тем самым улучшить качество городской среды.

К разнообразию через гибкость и вариативность

Общий вывод таков, что сегодняшним требованиям к проектам не хватает гибкости. Они не учитывают контекста—только квадратные метры и гектары. Учесть все необходимые параметры вполне способен и архитектор, проведя соответствующие предпроектные исследования, но для этого ему дается недостаточно свободы. В отношении нормирования плотности, возможно, было бы правильнее даже не варьировать этот параметр в зависимости от градостроительной ситуации, а вовсе его не регулировать, доверив архитектору спроектировать «работающий» во всех отношениях жилой район, опираясь на здравый смысл и разносторонний анализ ситуации (как это сделали участники конкурса). С той же точки зрения можно пересмотреть и другие ограничения: оставить лишь необходимый их минимум, а остальное отдать на откуп проектировщику.

Проект жилого района для конкурса «Реновация стандартов» бюро АБТБ с «градоградиентом», согласно которому значение нормируемого параметра меняется в зависимости от зоны

ТИМУР БАШКАЕВ, *руководитель бюро АБТБ*

У жителей большого города очень разные потребности и представления об идеальном жилье. К сожалению, действие единого стандарта и требование выбора всех параметров до верхней планки приводит к тому, что территории застраиваются зданиями примерно одной типологии. Чтобы увеличить количество предлагаемых морфотипов жилья, мы считаем, что нужно вводить то, что мы назвали для себя «градоградиент» — градиентное нормирование плотности, когда каждой территории присваивается свой максимальный параметр.

Кроме того, мы поддерживаем общую тенденцию в мире, а теперь и в Москве, по снижению доли личного транспорта. Тем не менее раз мы говорим о разнообразии, то и на количество парковочных мест не должно быть единого ограничения. В месте, хорошо обеспеченном общественным транспортом, норматив должен быть ниже; там же, где транспортные узлы далеко и, следовательно, среда менее плотная, можно позволить себе даже увеличить требуемое количество машиномест. Градиентным должно быть и распределение по территории различных функций и озеленения.

Таким образом, мы считаем, что отношение к нормативам в целом должно быть градиентным. И управление градиентным нормированием нужно передавать субъектам федерации.

Проект жилого района для конкурса «Реновация стандартов» бюро Citizenstudio с разными форматами жилья, включая малоэтажную застройку из деревянных панелей

МИХАИЛ БЕЙЛИН, *сооснователь Citizenstudio*

Нашей главной задачей — и в этом же, на наш взгляд, заключается задача города — было предложить максимально разнообразную среду. Для этого мы, нарушив норму коэффициента использования территории, применили простой прием: сформировали в одних местах переуплотненные участки, с тем чтобы в других, наоборот, сделать их более разреженными — фактически создать вариант субурбии. Плюс в мире уже давно существует практика строительства многоэтажных домов из дерева, что в России по-прежнему затруднено из-за пожарных норм. Поэтому 3–6-этажную застройку, которую мы разместили на разуплотненных участках, мы предложили сделать из дерева. Очень часто и без того жесткие нормы еще более жестко трактуются правилами применения: заборы вокруг школ — яркий тому пример, хотя школьные дворы со своей инфраструктурой обладают всеми качествами внутреннего районного парка.

Основой для новой идеологии норм могло бы стать то самое разнообразие образов жизни, которое должен предлагать современный город; следовало бы составить свод правил, в центре которого оказались бы интересы человека. Но первым шагом должна стать актуализация и модернизация уже существующей базы, и завязавшаяся дискуссия, которая в 2021 году обещает получить продолжение,—многообещающее тому начало.

Если не генплан, то что?

Другая тема, обсуждаемая не менее активно, чем обновление нормативной базы,—это необходимость изменения подходов к градостроительной документации. Пытаясь реагировать на новые реалии, власти российских городов массово разрабатывают генеральные планы и стратегические мастер-планы, однако проблема первых зачастую в том, что они теряют актуальность еще до завершения разработки, а вторых—что при отсутствии четкой методики их изготовления и законодательного статуса они так и остаются красивыми картинками на бумаге. Поэтому следующим—или параллельным—этапом модернизации нормативов должна стать модернизация подходов к градостроительной документации.

АЛЕКСАНДР КОЛОНТАЙ, *заместитель директора
Института Генплана Москвы*

Генеральные планы как планировочная картина строящегося города существовали во все времена—от античного Милета до инновационного Сколково. Интересно, что генеральные планы городов в послевоенной Европе и СССР разрабатывались почти одинаково—благодаря значительной централизации государственной экономики и инвестиционных процессов. После объединения Германии новый градостроительный документ Берлина сменил название с генплана на пространственный план, или план землепользования, но внешние графические различия были несущественны. В нулевые годы многие города России еще успешно пользовались генеральными планами прошлого века, времен СССР. Что принципиально иное произошло с генеральным планом в эпоху либеральной рыночной экономики и становления частной собственности и частного застройщика в сравнении с советским прошлым? Внешне не так уж принципиальны различия между более структурным генеральным планом Москвы 1971 года и более детальным в части зонирования генеральным планом 2010 года. Однако преимущества советских генпланов строились на достаточно точном социально-экономическом и демографическом прогнозе Госплана и полном государственном финансовом обеспечении всех строек: от инженерно-транспортной и социальной инфраструктуры до жилищного и промышленного строительства. Постсоветский же генеральный план города потерял прямую связь с государственным бюджетом, потребности жилищного и промышленного строительства стал определять неопределенный рынок, а конкурирующие между собой девелоперы не хотят смотреть дальше ближайших 5–10 лет, постоянно вступая в конфликт с долгосрочными требованиями генеральных планов по развитию инфраструктуры. Классический генеральный план начал умирать, поскольку сменился

механизм формирования прогноза и механизм реализации генплана. Чтобы совсем не отказаться от генплана как градостроительного документа, Градостроительный кодекс России в 2004 году ввел новый документ—ПЗЗ (правила землепользования и застройки) как своеобразные костыли для генплана. С помощью ПЗЗ «иероглифы» графического языка советского генплана должны были транслироваться в «правовой нарратив» градостроительных регламентов, открывая простор для строительного бизнеса и ограничивая диктат со стороны городских администраций.

Спешка с введением в России «проамериканского» по форме ПЗЗ привела к тому, что мы не обратили внимание ни на различие американской и европейской градостроительной практики, ни на то, что Россия исторически развивала близкую по социальной идеологии европейскую градостроительную практику. Мы не заметили, что ПЗЗ в европейских городах формируется не одним махом на весь город, а постепенно, через градостроительные регламенты в проектах планировки и проектах межевания. Генеральный план европейского города при этом является рамочным, предварительным, умеренно регламентирующим и эффективным. Копируя американские по образцу ПЗЗ, мы не заметили, что в США не делаются проекты планировки в европейском понимании, их заменяют отшлифованные за 100 лет ПЗЗ, основанные на определенной американской правовой традиции. Нам очень хотелось быстро «догнать и перегнать». В результате по форме американские, а по содержанию российские ПЗЗ, абсорбируя в себе минимальную часть содержания генплана и дополненные немногочисленными проектами планировки и межевания, ГПЗУ и др., превратились просто в «дежурный план» города, потеряв всю перспективную инфраструктуру и перспективные, долгосрочные идеи по развитию территорий города в генплане. При действующей системе градостроительства российские города стали терять стратегическое будущее. Это будущее стало ускользать из рук города в руки частного бизнеса, вместе со всеми негативными последствиями потери городской целостности. Проблемы с генеральными планами в крупнейших городах России—городах с населением более 1 млн жителей и, прежде всего, в таких мегаполисах, как Москва и Санкт-Петербург—имеют несколько отличную природу. Темпы актуальных инвестиционных процессов в этих городах часто опережают жесткие долгосрочные решения и содержания генеральных планов. Для крупнейших городов России нужен более гибкий генплан и несколько отличная цепочка градостроительных документов. Масштаб этих городов диктует необходимость перехода на другую, трехуровневую систему градостроительного планирования. Первый уровень—стратегический генплан или стратегия пространственного развития города в увязке с агломерацией. Второй уровень—регламентный генплан с ПЗЗ на крупные городские части-районы. Третий уровень—проекты планировки и межевания на зоны реорганизации, реконструкции, регулирования, развития, формирующие основу информационной системы обеспечения градостроительной деятельности и регулирования землепользования.

Такой градостроительный подход практикуют скандинавские столицы и другие крупнейшие города Европы, включая Лондон и Париж. Совершенно очевидно, что начинать надо с формирования правовых основ для введения стратегического генплана или стратегии пространственного развития для городов свыше 1 млн жителей. Учитывая сложившуюся в российском законодательстве терминологическую практику, лучше использовать понятие «стратегия пространственного развития», чем вводить понятие «мастер-план», который в международном градостроительстве может означать и генеральный план города, и генеральный план района и планировочную концепцию застройки, или просто исследовательский градостроительный проект.

К главным особенностям предлагаемой «стратегии пространственного развития» крупнейших городов России можно отнести ее направленность на достижение принимаемых целей социально-экономического и пространственного устойчивого развития; формирование перспективной транспортной и инженерной инфраструктуры в увязке с перспективной организацией планировочных частей и балансируемым расселением населения с размещением рабочих мест; выделение зон реорганизации и реконструкции. «Стратегия» не устанавливает функциональное зонирование города в методологии генплана и не выносит в утверждаемую часть размещение объектов. Все проектные решения в утверждаемой части «Стратегии» имеют рамочный, ориентировочный характер без кадастровой привязки, что позволяет проводить детализацию и окончательное уточнение на последующих стадиях градостроительного проектирования: на стадии ПЗЗ генплана и ППТ. Мониторинг «Стратегии» должен обеспечить своевременную актуализацию документа и органичный переход к программам реализации на последующих стадиях.

Пока же для главных мегаполисов России целесообразно предусмотреть как минимум возможность разработки более детальных отраслевых схем—как на весь город, так и на его части, например, для детализации транспортной инфраструктуры или зон реорганизации перед их внесением в действующие ПЗЗ.

Выйти из зоны комфорта: что дальше?

За время пандемии поменялись наши представления о пространстве города и форматах ведения бизнеса. Ограничения и атрибуты карантина стали частью некой новой нормы. Мы так долго шутили про выход из зоны комфорта, что вот он, наконец, случился. Городские и бизнес-системы теряют устойчивость, лишаются гравитации, предсказуемости, безопасности. Отточенные инструменты и компетенции перестают работать.

Находясь пока еще внутри «идеального шторма», было бы некорректно запускать масштабную рефлекссию о его последствиях. Однако точечное осмысление происходящего в профессиональной среде необходимо хотя бы как терапевтическая процедура. Как меняются цели и ценности в «посткомфортном» городе, который внезапно потерял привычную систему координат? Что должно стать новыми точками опоры, и гравитации, чтобы он вернул себе устойчивость? Став катализатором для трансформации самых разных отраслей, начиная от ритейла и заканчивая экотехнологиями, связанными с интенсификацией вопроса перехода к более чистым городам (и пролонгирования эффекта, достигнутого в результате локдауна), пандемия усугубила такие социально-пространственные вызовы, как определение места человека в городе, неравенство в отношении доступа к определенным благам и безопасность пребывания в общественных пространствах.

Децентрализация, рор-ур, дезурбанизация: тренды, которые усилились

Говоря о тех трендах, которые и раньше формировались в рамках различных проектов и становились частью стратегий городского развития, а пандемия их просто «подсветила» и актуализировала, в компании Citymakers выделяют пять основных направлений на пути к комфортному городу—в любых условиях, даже жесткого карантина. Первое—это децентрализация и формирование новых локальных центров: в Москве одним из таких центров должен стать район ЗИЛ, южный участок которого сейчас активно прорабатывается с учетом всех актуальных стандартов проектирования территорий. Среди них—принцип 15-минутной доступности всех необходимых сервисов и инфраструктуры, и это второй важный тренд, который должен системно интегрироваться в градостроительную повестку.

Схематичный план нового района ЗИЛ–Юг. Он будет «городом коротких расстояний», когда все необходимые жителю сервисы находятся в 15-минутной доступности. Арх. KCAP architects & planners, Citymakers

Третий тренд—развитие pop-up-инфраструктуры, необходимость в которой особенно «выстрелила» в пандемию. Самый показательный случай—ню-йоркский проект Open streets, когда для того, чтобы люди могли вблизи от дома свободно гулять и заниматься спортом, а кафе и рестораны—организовывать посадочные места на свежем воздухе и на безопасном расстоянии, перекрывались и делались пешеходными целые улицы. Другой пример—велосипедная pop-up-инфраструктура, которая возводится во многих городах: это, с одной стороны, мотивирует еще больше людей к активному образу жизни и повышению иммунитета, а с другой—помогает хотя бы частично решить проблему с ростом автомобильного трафика после того, как личный транспорт оказался безопаснее общественного.

Четвертый тренд—запрос на дезурбанизацию и интеграцию по сути «загородного» сценария и образа жизни в городскую ткань, что подразумевает прежде всего диверсификацию зелени и расширение предложения по таким форматам жилья, как таунхаусы, квартиры с палисадниками и террасами и т. д. И из всего вышеперечисленного вытекает пятый тренд—развитие доступных общественных пространств, в том числе пешеходной инфраструктуры, локальных парков и превращение улиц в места для активного и тихого отдыха среди максимально возможного количества зелени.

Принципы здорового города: актуальны как никогда

Если к прошлой конференции «Комфортный город»–2019 компания RTDA готовила исследование о психологическом комфорте и здоровье в современном городе, то в этом году тема логично продолжилась исследованием на тему здоровой городской среды: каковы принципы ее создания и практики внедрения. По определению ВОЗ, «здоровье характеризуется как состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствия болезней и физических дефектов». В рамках данного видения последние 30 лет ВОЗ разрабатывает концепцию «Здоровые города Европы», в основе которой лежат четыре принципа: улучшение детерминантов здоровья,

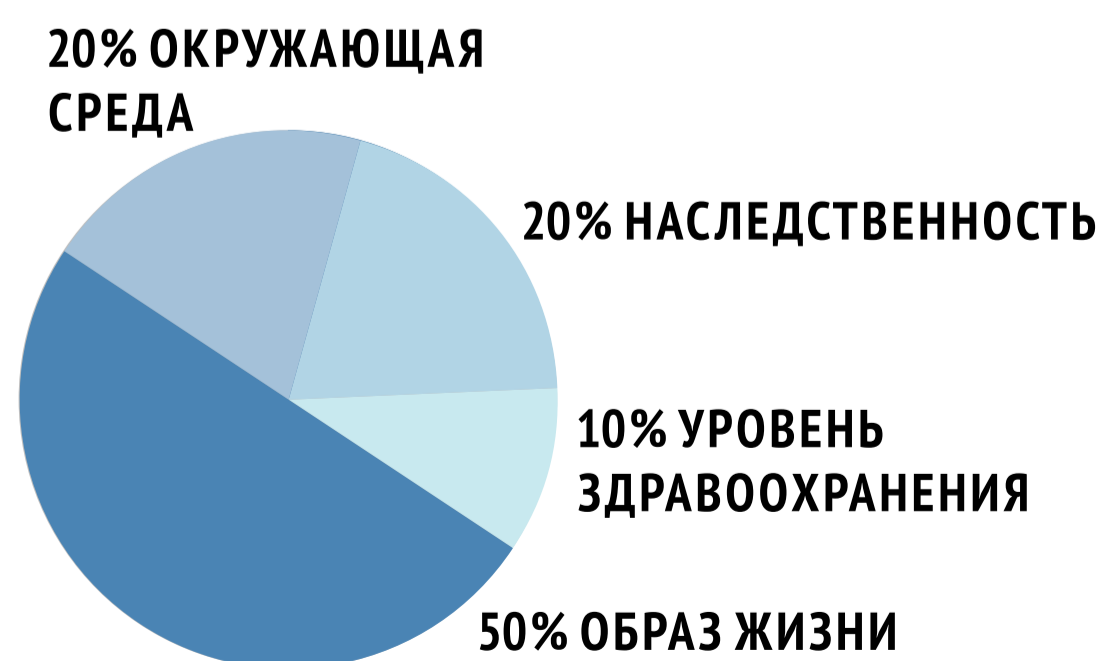

повышение справедливости в отношении здоровья и реализация принципов достижения здоровья для всех; обеспечение согласованности и продвижения приоритетов общественного здравоохранения на европейском и глобальном уровнях; повышение значимости вопросов здравоохранения в политической и социальной повестке городов; содействие оптимальному управлению и интегрированному планированию в интересах здоровья. В частности, в Загребской декларации по здоровым городам заявлена концепция «Учет интересов здоровья во всех стратегиях», которая основывается на признании того, что здоровье населения не является просто продуктом деятельности сектора здравоохранения, а во многом определяется стратегиями, программами и действиями вне сектора здравоохранения; в этой концепции один из трех основных приоритетов—окружающая среда и дизайн городов, благоприятные для здоровья.

В связи с этим в мире набирает популярность подход Urban Health, который с точки зрения управления включает весь спектр клинических, градостроительных, государственных и других политик, направленных на приоритизацию аспектов здоровья и благополучия населения при принятии всех решений о развитии города. Его предпосылками стали и урбанизация, и всевозможные вирусные пандемии, а также так называемые болезни изобилия (ожирение, сахарный диабет и т. д.) и разного рода психические заболевания, развитию которых способствуют большие города. Что касается интеграции подхода Urban Health в архитектурную и градостроительную политику, то в качестве примера можно привести программу «Моя улица», результатом которой стало улучшение психоэмоционального состояния горожан (за счет зелени), уменьшение количества ДТП (благодаря сужению дорог и «успокаиванию» автомобильного трафика) и снижение таких негативных эффектов городской среды, как шум, выбросы CO₂, тепловые волны, загрязненный воздух (опять же за счет озеленения и замены асфальта на плитку). Кроме того, это такие системные для Москвы меры, как улучшение видеоэкологии (работа с рекламными вывесками, проводами и прочим визуальным шумом), внедрение понятной навигации и индикаторов локальной идентичности (дезориентация в пространстве—источник психической нестабильности) и, конечно же, создание на улицах города инфраструктуры—пешеходной, велосипедной, спортивной—способствующей активному образу жизни. Все эти мероприятия в период пандемии только подтвердили свою важность и буквально жизненную необходимость.

Ожидаемая продолжительность жизни

Факторы обеспечения здоровья современного человека, по данным ВОЗ

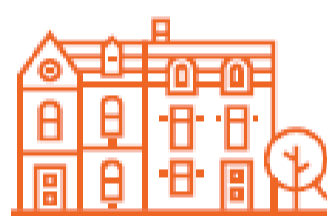

МАРИНА ЛЕПЕШКИНА, генеральный директор RTDA

Когда мы проанализировали продолжительность жизни на территории России, то выяснили, что Москва и Санкт-Петербург идут прямым ходом за экологически чистыми природными территориями. Это достигается за счет наличия в столицах таких факторов, как относительно высокий уровень жизни, образования, медицинского обслуживания и городская среда, которая способствует ведению здорового образа жизни. Согласно аналитике ВОЗ, наследственность, качество окружающей среды и уровень здравоохранения отвечают за здоровье человека лишь на 50%. Остальные 50%—это как раз здоровый образ жизни, поэтому первоочередная задача архитекторов и градостроителей—обеспечить горожанам все условия для того, чтобы они могли его вести: достаточно двигаться, правильно питаться и позитивно реагировать на свое окружение, снижая уровень стресса.

Ежедневный маршрут должен быть насыщен интересными общественными пространствами и спортивными активностями

ДОМ

РАБОТА, ШКОЛА, ТЦ

Интеграция города и природы: чем больше, тем лучше

Еще один проект, вдохновленный концепцией зеленого, здорового и устойчивого города, реализуется сейчас в Казани: это стратегия развития прибрежных территорий реки Казанки, разрабатываемая Orchestra Design. Ключевое планировочное решение—создание 12 прибрежных парков общей площадью 1536 га. Их связанность и доступность обеспечат 150 км велосипедных путей, 30 велосипедных мостов, 33 эковорот—входных зон, включающих парковки, места для отдыха и точки раздельного сбора мусора. Для каждого из 12 парков разработан не только мастер-план, но и своя концепция идентичности и социокультурная программа, а действия по формированию маршрутов вдоль реки включают не только новые и реновированные дорожки для прогулок, бега и катания на велосипедах,

Стратегия развития Казанки сформирует новые сценарии поведения горожан, в которых приоритетами станут активный и здоровый досуг у воды

↘ **30 %**

снижение сердечно-сосудистых заболеваний

↘ **40 %**

снижение респираторных заболеваний

↘ **13,4 %**

снижение уровня ежегодной общегородской смертности

+1,5 миллиардов

рублей в год – общий экономический эффект за счет снижения заболеваемости

пляжный волейбол

КЕМПИНГ

футбол на траве

вейкбординг

ПАРКУР

зарядка утром у воды

ВЕЛОПРОГУЛКИ

ХАЙ-ДАЙВИНГ

ПОДВОДНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

SUP-СЕРФИНГ

настольный теннис

наблюдение за рекой

ЙОГА

триатлон

ПРОГУЛКИ НА КАТАМАРАНАХ

ЭКОСУББОТНИКИ

ПРОГУЛКИ НА ЛОДКАХ

НАБЛЮДЕНИЕ ЗА ПТИЦАМИ

РЫБАЛКА

КАЯКИНГ

спортивное ориентирование

МАРАФОНЫ

КАТАНИЕ НА ЛЫЖАХ

КАТАНИЕ НА КОНЬКАХ

прогулки на байдарках

ПРОБЕЖКИ ВДОЛЬ ВОДЫ

СПОРТИВНЫЕ ТРЕНИРОВКИ

КАТАНИЕ НА РОЛИКАХ И ВМХ

скандинавская ходьба

ЭКОТРЕКИНГ

Проект стратегии развития прибрежных территорий реки Казанка в Казани. Арх. Orchestra Design

но и знаковый 30-километровый туристический маршрут по Казанке под названием «От Волги до Голубых озер», локальные историко-культурные маршруты «Старая Казанка» и «Казанская Швейцария» и региональный двухдневный пешеходный маршрут до Свияжска.

Стратегия Казанки сможет создать модель охраны протяженной речной экосистемы для крупных российских городов, а кроме того, она окажет самое прямое действие на те 50 % жителей города (а это 492 тыс. человек), которые живут в 15-минутной пешеходной доступности, и опосредованное влияние—на остальные 50 %, живущих не более чем в 10-минутной доступности на автомобильном транспорте. Главный показатель этого влияния—прогнозируемое снижение ежегодной смертности в Казани на 13,4 %. Дело в том, что в Казани 70 % смертей происходит из-за сердечно-сосудистых

и онкологических заболеваний. Согласно исследованиям и выведенным формулам подсчета С. Н. Бобылева и О. Н. Трикаш, за счет сохранения зеленых зон и вовлечения половины жителей в экологические оздоровительные практики эти 70 % смертельных случаев уменьшатся на 20 %, что и даст общее снижение смертности в городе на 13,4 % в год. В денежном эквиваленте это экономия для городского бюджета более чем 1,5 млрд рублей в год (1 млрд 589 млн 145 тыс. руб.): подсчет был произведен по той же методике на основе ежегодных расходов в Казани на больничные, медицинский прием и покупку лекарств по тем заболеваниям, риск которых снижается в связи с жизнью у зеленых зон в 15-минутной доступности.

ЕКАТЕРИНА ГОЛЬДБЕРГ, *партнер*
компании Orchestra Design

Такие существенные эффекты на здоровье горожан, которые по нашим расчетам должна вызвать реализация стратегия развития прибрежных территорий реки Казанки, связаны с тем, чтобы мы предусмотрели самые разные виды активностей для будущих пользователей этих территорий: от очень простых вроде наблюдения за птицами до инфраструктуры для триатлона и марафонов для тех, кто привык вести более активный образ жизни. Кроме того, создание зеленых территорий должно быть не просто социальным проектом, но должно генерировать новые направления для развития городской экономики. Так, реализация нашей стратегии будет способствовать развитию в Казани экологического туризма.

Проект высокотехнологичного парка Chongqing Liangjiang High-Tech Innovation Area, в котором архитектура сливается с природой.
Арх. Zaha Hadid Architects

КРИСТОС ПАССАС, *исполнительный*
директор Zaha Hadid Architects

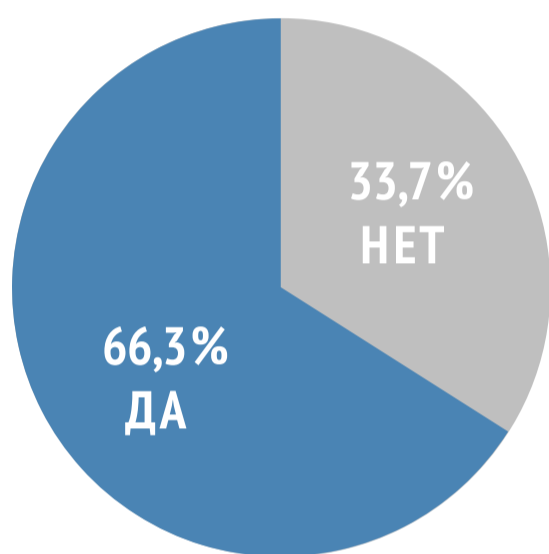
Очень многие компании, в том числе и наша, развивают биоклиматический дизайн, когда антропогенное вмешательство не нарушает природной экосистемы. Мы решили для себя, что важно выстраивать такую среду, в которой люди гармонично сосуществуют с природой. Для нас важно не навязывать архитектуру природе, а развивать особые симбиотические отношения между ней и человеком. И этот подход и понимание того, как работает природа, на мой взгляд, очень важен сегодня, когда мы проживаем момент очередной смены парадигмы. Я уверен, что равновесие между человеком и природой достижимо и с надеждой смотрю в новое бионическое будущее.

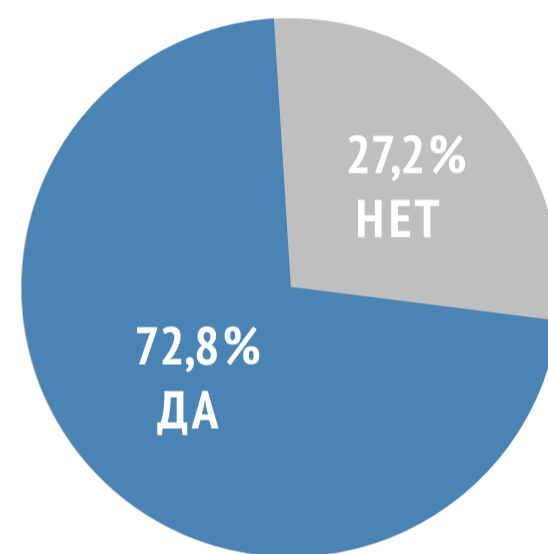
Точки опоры и перспективы

В том же опросе, проведенном компанией Citymakers в преддверии конференции «Комфортный город», содержался большой блок вопросов, посвященных изменениям в архитектурной деятельности в период пандемии. Так, две трети российских архитектурных компаний, опираясь почти в равной степени на собственный профессионализм, адекватное руководство и поддержку семьи, без проблем перешли в онлайн, сохранили штат и ощущение причастности к своему бюро и бренду, а 31 % сочли, что их эффективность на «удаленке» даже увеличилась. Большинство считают, что качество работ (81 %) и цены (60,9 %) и

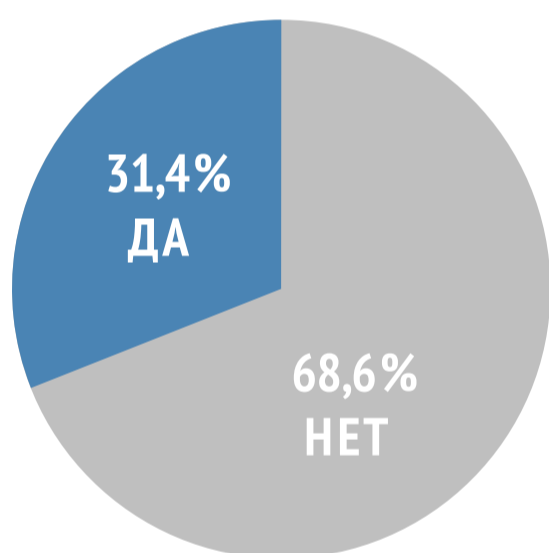
Тотальный онлайн—результаты опроса «Комфортного города»

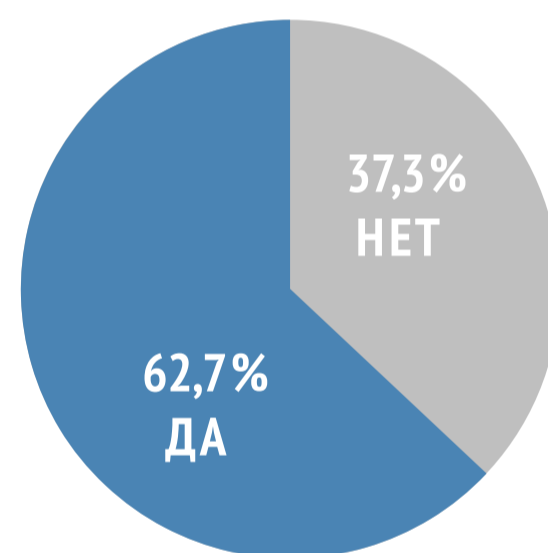
Вашей компании удалось перевести практически всю работу в онлайн?

Удалось ли вашей компании сохранить штат?

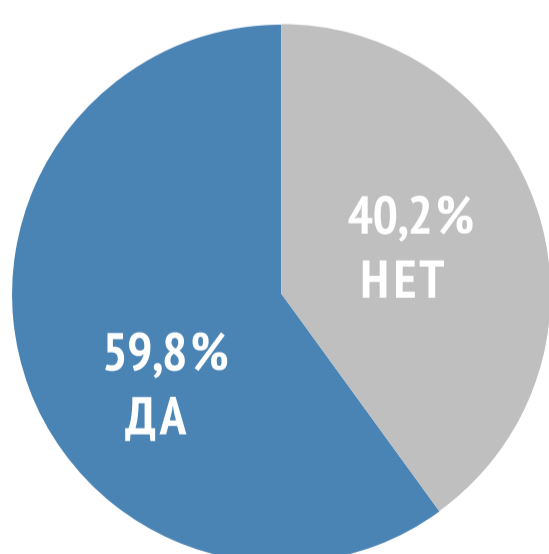

Эффективность работы команды вашей компании в онлайн выросла?

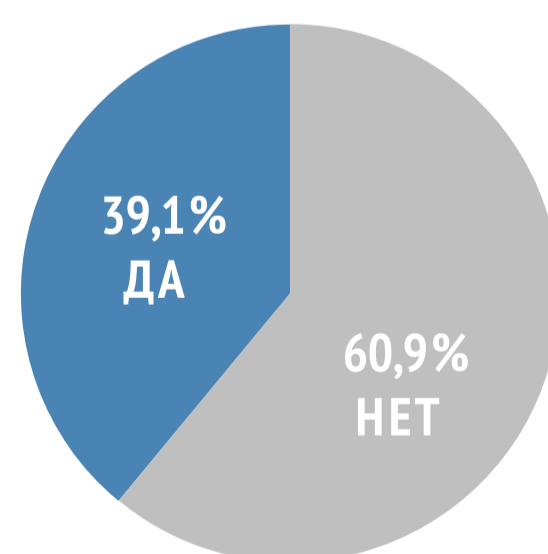

Меняется ли ощущение причастности к бюро, бренду на дистанционной работе?

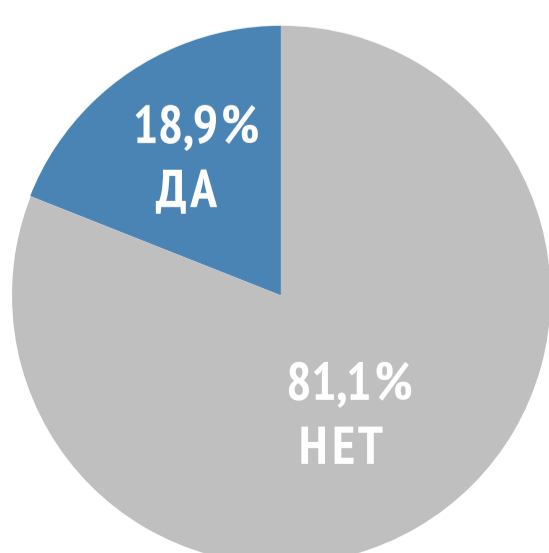
Изменение отношений архитектор—заказчик

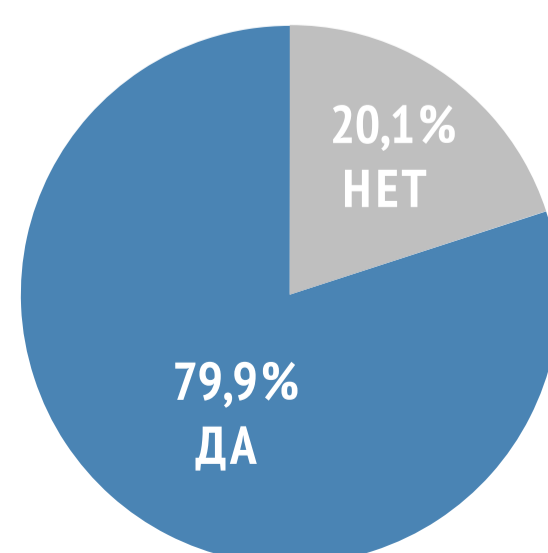
Выросли ли сроки согласования проектов?

Уменьшились ли цены на услуги архитектора и проектировщика?

Можно ли сказать, что требования к качеству проектных работ снизилось?

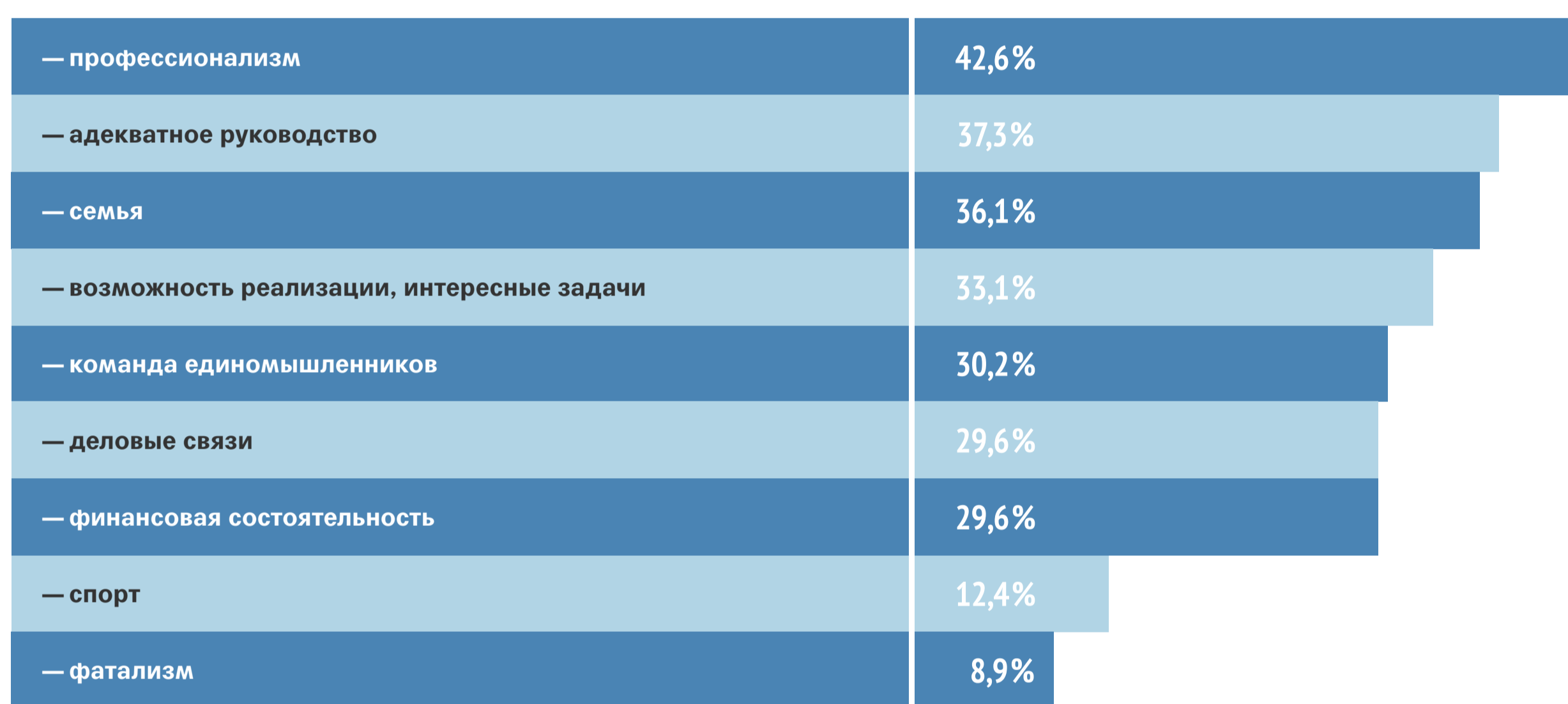

Часто ли заказчик требует оказать дополнительные услуги при работе над проектом?

остались на прежнем уровне, хотя сроки согласования выросли (60%), а заказчик при этом начал требовать дополнительные услуги (80%). И лишь 40% разделяют мнение, что проектные задачи в возможную «эпоху эпидемий» изменятся. Таким образом, есть все основания полагать, что самые темные времена позади, и архитектурный рынок их не только благополучно пережил, но и определил для себя те направления движения и развития, с которыми «посткомфортный» город станет еще здоровее и устойчивее, чем был.

Что в постоянно меняющихся условиях работы позволяет вам сохранять баланс и двигаться дальше?

ЮЛИАНА КНЯЖЕВСКАЯ, *председатель Комитета по архитектуре и градостроительству города Москвы*

Москомархитектура не останавливает производственные процессы. Но в связи с особой эпидемиологической обстановкой мы сообщили, что будем проводить общественные обсуждения по программе реновации в электронном формате на портале «Активный гражданин». Такой формат представляет массу плюсов для москвичей—это исключение временных рамок (в течение суток) для ознакомления с проектами, отсутствие необходимости посещения массовых мероприятий, невозможность фальсификации результатов обсуждений и многое другое. У нас и ранее был в планах перевод обсуждения проектов планировок по программе реновации в электронный формат. Нынешняя ситуация лишь ускорила реализацию этих планов. Все предложения и пожелания граждан будут собираться через портал «Активный гражданин». Эти отзывы будут обрабатываться так же, как и очные отзывы граждан. Все будет запротоколировано, а замечания проектировщики учтут при доработке проекта*.

* Из интервью газете «Коммерсантъ» №53.

**По заказу Комитета
по архитектуре
и градостроительству
города Москвы**

Оператор и программная дирекция
конференции «Комфортный город»–2020:
Citymakers

Генеральный директор: **Петр Кудрявцев**

Программный директор конференции:
Оксана Надыкто

Кураторы конференции:
Мария Бирюкова, Софья Костякова

Продюсеры конференции:
Екатерина Пирогова, Мария Якубова

Дизайн: **Кирилл Жуков, Лада Земниэк**

Моушн-дизайн: **Антон Маскевич**

Буклет по итогам конференции:
ООО «Объединенные проекты»

Генеральный директор:
Мария Чекменева

Главный редактор: **Юлия Шишалова**

Дизайн: **Наталья Бурая**